

КУПЕЧЕСКАЯ УСАДЬБА МЕЩЕРИНЫХ КАК ЗАИМСТВОВАНИЕ ОБРАЗА ЖИЗНИ ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА

Г.А. НАУМОВА

*Институт
Российской истории РАН*

*e-mail:
jainnaumov@mail.ru*

В статье на примере усадьбы Дугино Подольского уезда Московской губернии московских купцов Мещериных, владельцев Даниловской мануфактуры в Москве рассмотрено одно из направлений изучения истории культурной жизни сельской усадьбы в пореформенный период, а также такое явление как купеческая усадьба как заимствование образа жизни и сохранение культурного наследия русской усадьбы, как особого типа поселения в России. В статье даётся представление о повседневной жизни владельца купеческого загородного имения – усадьбы, его увлечениях и занятиях.

Ключевые слова: Московская губерния, Подольский уезд, дворянство, купечество, культура, усадьба, художник, творчество, природа, охота, чаепитие, традиции, быт, эпоха, новые экономические отношения, пореформенный период, деревня, пейзаж, московские художники, уклад, капитал, дом, парк, живопись, патриархальность, расходные книжки, Практическая академия.

Отмена крепостного права в 1861 г., новые экономические отношения ускорили изменение облика купеческого сословия. Купцы, воспитанные по старинке, постепенно уступали место молодым образованным предпринимателям того же сословия, а развитие усадебной культуры теперь всё теснее становилось связанным с этим новым поколением купеческого сословия. Приобретая дворянские усадьбы, скупая земли и возводя на них новые постройки, купечество активно заимствовало черты дворянской усадебной культуры, воспринимая традиции дворянско-помещечьего быта и время препровождения. Теперь, как и раньше, решающую роль в судьбе многих русских усадьбах играла личность нового владельца, его образованность, культурный уровень.

К концу XIX столетия в Подольском уезде Московской губернии сосредоточилось значительное число сельских купеческих усадеб, если иметь в виду социальное происхождение московских фабрикантов: «Березки» – Бромлея; «Ивановское» – Бахрушиных; «Котляково» – Алексеевых; «Кленово» – Шамшиных и др. Среди них выделялась усадьба Дугино, которая получила недостаточное отражение в исторической литературе. Ее владельцы в прошлом купцы Мещерины, а затем богатеющие фабриканты-предприниматели изначально, приобретая землю у крестьян Островской волости воспринимали ее не только как хозяйственную структуру, но скорее в большей мере как мир «отдохновения» от грохота станков от собственных текстильных предприятий, а в связи с положением в московском обществе – от забот другого рода, связанных с промышленно-торговой и общественной деятельностью в Москве. Благодаря дружбе владельца имения Н.В. Мещерина со многими известными представителями искусства, Дугино вошло в историю русской культуры.

Еще в начале 1870-х гг. московский купец 1-ой гильдии Василий Ефремович Мещерин стал владельцем Даниловской мануфактуры в Москве.

Из года в год он расширял производство и к 1876 г. довел количество станков до 794, при числе работающих более 1.200 человек. Здесь вырабатывались: миткаль, бримантин, бумазея, бязь, кашемир, атлас, ватин, жаккардовые ткани, репс мебельный, ситец, платки и т.д. Товар продавали в Москве на Мещеринском подворье и на ярмарках – Нижегородской, Ирбитской, Крестовской и др.¹ В.Е. Мещерин учредил паевое «Това-

¹ ЦИАМ. Ф. 331. Оп. 1. Ед. хр. 11. Журнал Товарищества Даниловской мануфактуры 1879-1880 гг.

ришество Даниловской мануфактуры» с основным капиталом в 3 млн. руб., разделенных на 1000 паев по 3000 руб.², богатея день ото дня.

Семья Мещериных в Москве проживала недалеко от Даниловской мануфактуры в Пятницкой части города, в приходе церкви Черниговских Чудотворцев, в собственном доме. Еще во время утверждения своей хозяйственной роли в качестве владельца Даниловской мануфактуры В.Е. Мещерин заключил договор с крестьянами Островской вол. Подольского уезда об аренде земельного участка. При паспортизации подмосковных экономий губернскими статистами в 90-е гг. XIX в. имение Дугино получило следующую характеристику: «В аренде с 1872 г. и было арендовано на 40 лет»³. Хозяйство велось управляющим Манегиным под личным надзором и участием владелицы М.Я. Мещериной, потомственной почетной гражданки. Площадь арендованных земель составляла 426,5 дес., а угодья распределялись следующим образом: под усадьбой было 4 дес., под пашней – 45 дес., луга вдоль реки Пахры – 5 дес., а лес – более 100 дес. и проч.»⁴. Крестьяне здесь выращивали (то же продолжили и Мещерины) – рожь, овес, в небольшом количестве для себя – гречиху, горох, картофель, капусту и другие овощи. Для этого обходились частью своими рабочими, но брали и поденщиков; в сенокосную пору приглашали крестьян окрестных деревень. Сено, солому и часть огородной продукции возили на продажу в Москву. Для обработки посевов использовали одноконные деревянные плужок и соху, молотилку, борону, веялку и проч. орудия труда⁵. Система обработки и ведения хозяйства была трехпольная, хозяйство велось по старинке, без использования передовых и новаторских методов. Поэтому эта земля вскоре преобразовавшаяся в усадебное имение Дугино и приносившее владельцам определенный небольшой доход не могло быть отождествлено с дачей, тем более оно предполагало проживание владельцев на арендуемой ими земле.

Известный искусствовед Т.П. Каждан, которая исследовала архитектуру подмосковных усадеб, отмечает, что «Дугино», не обладавшее обширными земельными угодьями и развитым хозяйством, использовавшееся для временного проживания главным образом в летнее время, но отнюдь не в качестве основного места жительства, в типологическом отношении занимало в некотором роде промежуточное положение между усадьбой и дачей, хотя, конечно, ощущение усадьбы превалировало. Как усадьба оно воспринималось не только владельцами этого небольшого имения, но и гостями⁶. Для них в приусадебной экономике выращивались овощи, завозились не достающие в усадьбе продукты. Многочисленных родственников и гостей в Дугине было множество. «Гощу я у одного приятеля художника Мещерина в имении», – писал уже в начале XX в. И.Э. Грабарь, – «У него великолепная мастерская, живет здесь сам, с женой, а летом братья, дети, родственники, словом человек 20 за столом – это норма, а бывает и 40 ...»⁷.

Строительство загородной дачи было начато при В.Е. Мещерине. Судя по фотографии 1900-х гг. с изображением одного из фрагментов дома можно догадываться об эклектичном убранстве его фасадов, как это было модно тогда⁸. Впрочем, достроить дом В.Е. Мещерину не удалось – в 1880 г. он скоропостижно скончался и усадьба в дальнейшем достраивалась и благоустраивалась его вдовой М.Я. Мещериной и их старшим сыном Николаем. В дальнейшем он и определил стиль и образ жизни усадьбы Дугино. Усадьба представляла собой двухэтажный каменный дом, окруженный парком, который по пологому берегу спускался к реке. Сама природа располагала к приятному отдыху. «Сижу, как видишь, в деревне. Тут отлично, не по-титовски (Титовы – родственники И.Э. Грабаря. Г.Н.) тепло, и хотя и неродственно, но много лучше.

² Справочная книга о лицах, получивших на 1888 год купеческие свидетельства по 1-й и 2-й гильдиям в Москве. М., 1888. С. 43.

³ Там же. Ф. 184. Оп. 10. Ед. хр. 2460. № 23. Л. 1116.

⁴ Там же. Л. 1117.

⁵ ЦИАМ. Ф. 184. Оп. 10. Ед. хр. 2460. № 23. Л. 1136, 1139-1142.

⁶ Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М., 1997. С. 291.

⁷ Грабарь И.Э. Письма. Т. 1. 1891-1917. М., 1973. С. 185.

⁸ Каждан Т.П. Художественный мир русской усадьбы. М., 1997. С. 290.

Прямо, понимаешь ли, великолепиие. Да и вообще здесь хорошо.»⁹, – писал И.Э. Грабарь из Дугина в январе 1904 г. своему брату. Его все располагало к творчеству: обаяние и радушие семьи Мещериных, материальные возможности и, наконец, русская природа: темные леса и

веселые перелески, зори, догорающие над лугами, закаты над рекой, омуты и заводи, ржаные поля, прихотливо вьющиеся проселочные дороги, ночное небо ... И.Э. Грабарь сразу же влюбился в Дугино и его природу: «Я в первый же день проехался, – писал он, – чтобы ознакомиться с окрестностями Дугина, которыми остался очень доволен, особенно обилием берез. Это странное дерево, единственное среди всех белое, редко встречающееся на Западе и столь типичное для России, меня прямо завораживало»¹⁰. И.Э. Грабарь своим присутствием возвысил купеческую усадьбу. Живописец, искусствовед, историк искусства, реставратор, защитник памятников культуры. С 1913 по 1925 гг. возглавлял Третьяковскую галерею. В Дугине им были написаны многие замечательные произведения, и среди них – полотна, которые имеют не только чисто художественную, но и художественно-историческую ценность. Начиная, с 1990-х гг. он работал в имении Дугино, в одной мастерской с Н.В. Мещериным, где создал жизнерадостные, проникнутые светом пейзажи, воссоздающие образ подмосковной природы и быт крестьян окрестных сел и деревень («Февральская лазурь», «Мартовский снег», «Угасающий день. Усадьба.», «Весенний поток» и др.)¹¹

В 1905-1913 гг. у Грабаря наступил период увлечения историей искусства. Он создал ряд монографий о творчестве И.Е. Репина, И.И. Левитана, В.А. Серова и других русских художников, был инициатором издания, редактором и автором важнейших разделов «Истории русского искусства». «Грабарь погружен в работу по истории искусства»¹², – писал в письме к В.Н. Домогацкому из Дугина Н.В. Мещерин. Об этом свидетельствует и многочисленная переписка художника с издателями, архитекторами, художниками, искусствоведами. В конце XIX – начале XX вв. усадьба Дугино стала играть все более заметную роль в художественной жизни Москвы.

Как и многие купеческие дети, Н.В. Мещерин учился в Московской Практической академии коммерческих наук, но его мало занимали дела фабрики и производственные вопросы. Николай Мещерин увлекался живописью, которой начал заниматься в Дугине, где его, как любого творческого человека, привлекала живописная природа Подмоскovie, а также размеренная деревенская жизнь. Его учителями были М.Х. Аладжалов, А.М. Корин, В.В. Переплетчиков, И.И. Левитан. Братья Н.В. и М.В. Мещерины являлись меценатами по отношению к друзьям-художникам: «Они очень состоятельные, не скупердяи, и поэтому тут приятно жить, сознавая, что ты не только никому не в тягость, а даже доставляешь своим пребыванием удовольствие»¹³, – тот же Грабарь. Сам Н.В. Мещерин не сразу пришел к занятиям живописью, «что-то неуклонно влекло его в область эстетики, но он никак не мог найти своей настоящей дороги: то он разводит по своим рисункам сад у себя в имении, то занимается фотографией, то делает картины из трав и сушеных цветов»¹⁴, – отмечали его друзья-художники. Под их влиянием устремления хозяина усадьбы определились, и всю последующую свою жизнь он посвятил живописи, «изображению простой русской природы».

А гостивших в усадьбе художников привлекала «симпатичная личность» Николая Васильевича, его желание оказать материальную помощь. С.С. Голоушев, главный московский критик, писавший под псевдонимом Сергей Глаголь, сам художник и человек близкий к художественным кругам Москвы, говорил в то время, что хозяин Дугина «близок сердцу художников»¹⁵. В непринужденной атмосфере Дугинского дома

⁹ Грабарь И.Э. Указ. соч. С. 147.

¹⁰ Грабарь И.Э. Указ. соч. С. 199.

¹¹ Наумова Г.А. Усадьба Мещериных Дугино. // Музейный сборник. Вып. 1. М., 1996. С. 49-54.

¹² ОР ГТГ. Ф. 14. Ед. хр. 12/318. Л. 2 об.

¹³ Грабарь И.Э. Указ. соч. С. 148.

¹⁴ Николай Васильевич Мещерин // Известия Московского литературного кружка. Вып. 16. М., 1916. С. 17.

¹⁵ ОР ГТГ. Ф. 4. Ед. хр. 508. Л. 1.

свободно развивались искусство и талант других художников А.М. Корина, А.М. Аладжалова, В.Н. Мещкова, В.А. Серова, А.М. Васнецова и других московских пейзажистов начала XX в. По своему воспринимал Дугино художник В.В. Переплетчиков, близкий друг Н.В. Мещерина, частый гость в усадьбе. Описывая природу этого подмосковного уголка, он писал: «Жаркий летний день ... тишина, не слышно птиц, звука комаров, неслышно падают с деревьев жёлтые листья. За деревьями не видно реки, но слышен среди полной тишины стук весел об уключины, кто-то усердно работает веслами, кто-то разговаривает у реки ... в соседней деревни поют петухи тонко и часто. Вся природа ясная, только устала после лета»¹⁶.

На фоне широкого демократического движения, охватившего все сферы жизни общества, ширился и углублялся процесс национального самосознания, шел непрерывный поиск красоты в родной русской природе. Впитывая её атмосферу, талантливый владелец усадьбы Дугино Н.В. Мещерин сформировал свой вкус, определил круг занятий, окружил себя единомышленниками. Благодаря встречам в усадьбе Дугино он смог находиться в центре общественной жизни Москвы, принимать деятельное участие в Союзе русских художников, в обществе «Свободная эстетика» и литературно-художественном кружке. Регулярно участвовал в выставках, которые устраивали «Союз русских художников», «Мир искусства» и др. Дугино стало местом постоянных творческих встреч. «Я знаю ещё одну местность, – писал В.В. Переплетчиков, – которую можно приравнять к Дугину по обилию живших в ней художников: это Саввинская слобода (окрестности г. Звенигорода)»¹⁷.

В усадебном доме новой русской предпринимательской элиты, как в дворянских усадьбах, были оборудованы две мастерские: одна для хозяина и другая – специально для гостей. Здесь же были собраны значительные коллекции картин современных художников, книг по искусству и грампластинок¹⁸. Замечательное собрание живописи сформировалось из собственных работ Н.В. Мещерина, а также художников: М.Х. Аладжаева, В.Е. Борисова-Мусатова, С.А. Виноградова, Н.А. Тархова, А.М. Корина, Л.О. Пастернака, С.Ю. Жуковского и, конечно, И.Э. Грабаря¹⁹.

Усадьба Дугино таким образом, как усадьбы дворян Рахманинова с музыкой, Бекетовых с литературным творчеством Блока, связывается с развитием в России пейзажной живописи. Пейзаж привлекает самых разных художников, становится почти неизменным компонентом жанровой картины, портрета, даже натюрморта. В этот период в живописи шло дальнейшее утверждение и развитие принципов пленэризма, чему способствовала природа усадьбы Дугино. Общее движение живописцев к свету, к колористическому единству привело к активному развитию этюдной деятельности. Работе в мастерской художники стали предпочитать работу на открытом воздухе. В Дугине, постоянная совместная работа на природе самых разных художников все больше сказывалась на развитии пейзажного жанра. Дочь художника А.М. Корина, преподавателя Училища живописи, ваяния и зодчества, Н.А. Корина в своих воспоминаниях пишет: «... часто ездили к Мещерину, в имение Дугино, где вместе писали этюды»²⁰. Днём писали, а вечером – бесконечные беседы о художниках, об искусстве, литературе, музыке.

В усадебной жизни Дугина во многом проявлялись традиционные занятия и развлечения, присущие помещицкому дворянству, в том числе, и увлечение охотой. «В Дугине был культ охоты. Сюда постоянно под праздник приезжали приятели хозяев поохотиться: ели, пили, уезжали на охоту, вернувшись домой опять ели и пили, сра-

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 827. В.В. Переплетчиков. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 62.

¹⁷ Н.В. Мещерин. 1864-1916 // Живопись. Сбор. материалов и каталог выставки произведений / Н.В. Мещерин, Н.А. Гагман. М., 1987.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 54. Оп. 1. Ед. хр. 287. Л. 84-131 об.

²⁰ Художник Алексей Михайлович Корин. 1865-1925: Сборник материалов и каталог выставки произведений. (Состав. и автор вступительной статьи В.П. Лапшин). М., 1981. С. 178.

жаясь в промежутках в картишки»²¹. Братья Н.В. и М.В. Мещерины состояли действительными членами Московского общества охоты, созданного в 1860 г. в Москве²².

Наряду с традициями, позаимствованными у дворянского сословия, купечество сохраняло верность патриархальному быту первых поколений предпринимательских династий. И, в первую очередь, это относится к знаменитой церемонии чаепития. Из воспоминаний И.Э. Грабаря известно как пили чай в усадьбе Мещериных: «Самовар в Дугине не сходил со стола ни днем, ни ночью. На ночь самовар одевали в ватные одеяла и шерстяные ткани, чтобы поддерживать горячую воду до утра... Для утреннего чая стол с самоваром накрывался к примыкавшей к дому аллее из молодых лип. На ближнем конце длинного, накрытого скатертью стола стоял пузатый медный самовар в окружении стаканов, чашек, вазочек с вареньем и всякой снедью»²³.

Пример купеческой по происхождению семьи Мещериных дает представление и о некоторых других чертах быта. Если в дворянских усадьбах все хозяйственные дела по более-менее крупным владениям вели управляющие, то в купеческих было принято вести расходные книжки на каждый год, их хозяйками. В такой книге в усадьбе Мещериных скрупулёзно заносили все расходы, даже такие мелкие и незначительные как то: «портнихе Машиной – 40 к.; за точение ножей – 80 к.; извозчику – 40 к.; суши – 20 к.; на чай – 30 к.; носильщику – 25 к.»²⁴. Эта повседневность помогает представить жизнь купеческой семьи, её уклад и занятия, узнать в подробностях мир увлечений, распорядок, принятый на каждый день. К сухому языку этих книг из истории усадьбы Дугино добавляется яркий и образный рассказ автору этой статьи Ольги Игоревны Епифановой-Грабарь²⁵. В своих воспоминаниях она живо и остроумно описывает характеры, быт и нравы семьи Мещериных. Каждый раз, слушая Ольгу Игоревну, становишься невольным свидетелем и участником событий той эпохи, чувствуешь дыхание времени. Перед глазами встаёт галерея портретов и череда событий. «Я появилась на свет в то время, когда имение давно уже перешло государству, и многих его обитателей не было в живых. Тем не менее, с самого раннего детства слово «Дугино» постоянно присутствовало в домашних разговорах, за обеденным столом, даже в отдельных репликах: «Смотри, скатерть совсем, как в Дугине!» или «В Дугине так на стол не накрывали» и тому подобное. Со временем мне стало ясно, что для моих родителей и ближайших родственников понятие «Дугино» включает в себе некий особый мир нравственных ценностей, которыми необходимо дорожить, ни в коем случае их не растрачивая. О жизни в Дугине вспоминали весело, с юмором, без тени озлобленности или сожаления об утраченном. Иногда во время рассказов из альбомов извлекались старые фотографии, выполненные с большим мастерством – они прекрасно сохранились и по сей день... У моего прадеда, купца первой гильдии Василия Ефремовича Мещерина было четверо детей: три сына и дочь. Сыновья учились в Практической академии, но ни малейшей склонности к приумножению капитала не проявляли, постепенно растрачивая нажитое, пока не наступила революция.

Старший сын – впоследствии известный художник Николай Васильевич Мещерин – умер в 1916 году и похоронен в Дугине, где протекла вся его жизнь. Мой отец, И.Э. Грабарь, бывший в течение многих лет его близким другом и постоянно гостивший в Дугине, полагал, что более радушного хозяина и доброжелательного человека редко можно было встретить. В то же время Н.В. Мещерина отличала изрядная неврастеничность и фантастическая мнительность, особенно в вопросах питания. Были и у него свои причуды. Так, он искренно верил, что употребляя ежедневно «мечниковскую», как её в то время называли, простоквашу, можно существенно продлить жизнь. К подобным панацеям он относил и редьку с квасом, от приготовления которой в доме

²¹ Грабарь И.Э. Моя жизнь. Указ. соч. С. 198.

²² Московское общество охоты за 50 лет от основания его. М., 1898. С. 78.

²³ Грабарь И.Э. Моя жизнь. Указ. соч. С. 199, 206.

²⁴ Расходная книжка. Из архива семьи Мещериных-Грабарей.

²⁵ О.И. Епифанова-Грабарь – прямой потомок Мещериных-Грабарей (дочь И.Э. Грабаря и В.М. Мещериной), доктор биологических наук.

стоял порой невыносимый запах. Основную же пищу составляли яйца всмятку и зернистая икра.

Несмотря на неврастенические выходы и чудачества, домочадцы и друзья обожали Николая Васильевича. Будучи женатым, но бездетным, он крестил всех своих племянников, называвших его не иначе, как «папа Коля» и души в нём не чаявших. Он был женат на Лидии Ивановне Горячевой. В семье её недолюбливали за властный характер и алчность. Постепенно, она оттеснила от управления хозяйством его сестру, тихую Александру Васильевну или Сашеньку, как называли её окружающие, а впоследствии прибрала к рукам и само имение. Что касается Сашеньки, то судьба её сложилась трагически. Полюбив школьного учителя из соседней деревни, она не смогла с ним обвенчаться – братья Мещерины наотрез отказались делить капитал. В довершение всего предложили учителю отступное, и тот уехал в неизвестном направлении. Сашенька чуть было не наложила на себя руки, но потом смирилась и постепенно зачахла. Второй сын Василия Ефремовича, Михаил Васильевич Мещерин, был моим дедом по матери. По рассказам родных он являл собой полную противоположность Николаю Васильевичу, будучи жизнелюбом, жуиром и весельчаком. Любил кутить у «Яра» и однажды въехал на тройке прямо в витрину кондитерской Эйнама. Он был женат на купеческой дочери Елизавете Ильиничне Гуськовой. От брака с ней он имел троих детей: Валентину (мою мать, вышедшую в 1913 г. замуж за И.Э. Грабаря), Марию и Василия. Младший сын Василия Ефремовича, Андрей Васильевич по рассказам родных, в юности проявлял незаурядные способности к математике и технике, но потом как-то сник и приобретённые в Практической академии знания ни к чему не приложил. Тихо обитал в Дугине. Умер он в 1930 году, и его я помню очень хорошо. После революции Мещерины потеряли всё: имение, фабрику, два дома в Москве и вынуждены были переселиться в тесную квартиру на Пятницкой, где я и появилась на свет в 1922 году».

История купеческой усадьбы Дугино – типична для сотен таких же приобретений в собственность земель купцами-предпринимателями крупных городов. Большинство купцов приобретало разорявшиеся «дворянские гнезда», но иногда и просто землю, где возводили постройки мало чем отличавшиеся от дворянских усадеб. Постоянное общение с творческой интеллигенцией продолжало традицию дворянских усадеб как очагов культуры, где переплелись традиции купеческого и дворянского сословий, где сказалось влияние современной по тому времени и западной культуры, тем более: если к этому стремилось новое поколение хозяев усадеб. После 1917 г. многие купеческие, как и дворянские усадьбы подверглись разрушению и лишь в последнее десятилетие уважение к истории и любовь к отечественной культуре притягивают историков и культурные слои современного общества к таким феноменам исторического развития России как русская усадьба.

THE MERCHANT ESTATE OF THE MESHCHERINS AS AN EXAMPLE OF BORROWING FROM THE NOBILITY LIFE STYLE

The author considers one of the trends in studying the history of the countryside nobility estate's cultural life in the post-reform period, as well as the phenomenon such as the merchant estate borrowing from the style of life and preserving the cultural heritage of the Russian estate being a special type of settlements in Russia. The author takes the estate "Dugino" as an example, which was situated in the Podolsk district (uyezd) of Moscow province (guberniya) and owned by the Mescherins, the merchants who owned the Danilovskaya manufactory in Moscow. The article provides a glimpse of everyday life, hobbies and activities of a countryside merchant estate's owner.

G.A. NAUMOVA

*Institute of Russian
History Russian Academy
of Sciences*

*e-mail:
jainnaumov@mail.ru*

Key words: Moscow province (guberniya), Podolsk district (uyezd), nobility, merchantry, culture, estate, artist, nature, hunting, tea-party, traditions, way of life, epoch, new economic relations, post-reform period, village, landscape, Moscow artists, style of life, capital, building, park, patriarchal style of life, expenditures books, the Practical Academy.